

Раса Чепайтене
Подходы к интерпретации исторического города

Из книги: Раса Чепайтене. Культурное наследие в глобальном мире.
Вильнюс: ЕГУ, 2010. – С. 236-249.

Исторический город является многообразной и многозначной системой символов, в материальном и духовном облике (*genius loci*) которого закодировано изменение мировоззрения создавшего и создающего его общества. Его визуальный образ содержит в себе то, что теперь модно называть идентичностью места (*place identity*)¹²⁶. Последнее опирается не только на осязаемые (физический, составленный из природных и культурных элементов облик города, кварталы, улицы, публичные пространства, ансамбли или единичные постройки, парки, скверы, зеленые насаждения и другие объекты), но и неосязаемые (культурно-идеологические значения этих мест, городской образ жизни, выдающиеся личности, легенды, предания, даже анекдоты) элементы.

Сегодня, анализируя и интерпретируя урбанистические структуры, уже не сомневаются в значимости господствующей идеологии и, в более узком смысле, культурной политики. Как известно, в процессе социализации индивидов исторический город выполняет скорее косвенную, но значимую образовательную функцию, олицетворяя и репродуцируя доминирующие социокультурные идеи общества¹²⁷. В свою очередь следует признать, что для гостей исторических городов – туристов – часто более важно не историческое или политическое образование, а поиск разнообразных развлечений. Поэтому в наибольшей степени на них могут повлиять поданные в определенном привлекательном ракурсе волнующие эпизоды истории города, например, связанные с легендарными, историческими, литературными или кинематографическими персоналиями или исключительными событиями.

Хотя в охране наследия этот аспект обычно игнорируется, причем потребности приведения в порядок памятников объясняются не идеологическими, а техническими, эстетическими или историческими предпосылками, внимательный взгляд без труда сможет усмотреть в структуре города следы различных идеологических наслоений. Среди них следует особенно выделить национализм – как идеологему, несомненно оказавшую наибольшее влияние на появление современной системы охраны наследия, создания и поддержания престижа национального государства. Например, аргумент «национальной памяти», как известно, оказал заметное влияние на политическое решение – начать послевоенную реконструкцию польских городов. В этом случае очевидна особенно сильная степень мемориализации коллективной идентичности, фиксируемая еще с момента упадка Польского государства в XVIII в., когда материальные реликты прошлого стали одним из важнейших слагаемых сохранения национальной идентичности и всегда лелеянного поляками обретения независимости¹²⁸.

Современные или «новые» формы национализма тоже опираются на определенные особенности национального характера, национальные ценности и мифологии. Сохранившийся аутентичный исторический город или его части получают у его посетителей символическое значение, вызывая определенные исторические ассоциации и иллюстрируя творческий потенциал конкретного народа. Таких примеров масса. Упомянем хотя бы «Уильямсбургский треугольник» США или Бостон, олицетворяющие борьбу за независимость, города российского Золотого кольца, хранящие коллекцию шедевров православной и славянской цивилизации или богатые города Бельгии и Голландии, являющиеся свидетелями производственного переворота. Однако, возбуждая гордость славной историей народа и его творческим гением, материальные реликты прошлого могут вызывать и менее приятные ассоциации. Например, урбанистические структуры – реликты колониальной или коммунистической эпохи –

¹²⁶ Aspa Gospodini, European cities and place-identity, *Discussion Paper Series*, 2002, nr. 8, p. 19-36.

¹²⁷ Tomas Grunskis, Tradicija ir ideologija miesto visuomeninėje erdvėje kintančių sociokultūrinių sąlygų kontekste, *Istoriniai miestai: sena ir šiuolaikiška*. Vilnius, Savastis, 2003, p. 9-19.

¹²⁸ Aleksander Cieysztor, La reconstruction polonaise d'après guerre: les cas de Varsovie et de Gdansk, *Patrimoine et passions identitaires. Entretien du Patrimoine* de 1997. Paris, Editions du Patrimoine, 1998, p. 303.

сегодня все еще вызывают недовольство жителей освобожденных стран, явно напоминая о пребывании в них колонизаторов или оккупантов.

Как показывает исторический опыт, несмотря на сильный национальный элемент, никакой город не может быть окончательно «присвоен» какой-либо нацией, особенно крупные города, имевшие значение для развития целого региона и постоянно наполненные разнонациональными жителями. Поэтому существуют города – символы международного сотрудничества, такие как три столицы ЕС: Брюссель, Люксембург и Страсбург. Еще одна категория универсальных, «принадлежащих» всем городам – города всемирного наследия. Так что историческому городу всегда приходится балансировать на грани *национализма vs космополитизма*, особенно при увеличении притока в них иностранных туристов¹²⁹.

Другая хорошо известная установка государственной политики – выбор между моделями *регионализма* или *централизма* – также, несомненно, имеет большое значение для авторитета городов в стране. Как известно, регионализм, являясь местной разновидностью национализма, часто использует свое урбанистическое наследие для усиления локальной идентичности. Последняя может колебаться от невинной местной экзотики, привлекающей туристов, до политически опасного сепаратизма. Кроме того, государственная административная система может быть не расположенной к акцентированию региональных особенностей, а, наоборот, осуществлять жесткий контроль из центра. Еще хуже, если большая часть финансовых и интеллектуальных ресурсов государства достается только одному или нескольким большим городам, увеличивая таким образом их оторванность от провинции¹³⁰.

В стратегиях развития исторических городов выделяются и уже упомянутые слагаемые *элитарности/демократичности* или *закрытости/доступности*, связанные с неодинаковым распределением в городе финансовых, социальных и культурных ресурсов. В крайнем случае это ведет к определенному символическому или даже территориальному отделению и превращению в гетто жилого пространства богатых и бедных (шикарные и труднодоступные для посторонних городские кварталы и пригороды или, наоборот, часто криминализованные и социально запущенные районы бедных).

Возможны и другие идеологически определенные аспекты охраны наследия, например *художественность/утилитарность* зданий (индустриальная или милитаристская архитектура). Все перечисленные измерения в конкретных случаях могут быть тесно переплетены и нелегко идентифицируемы.

Для реализации основных целей социального и экономического роста благосостояния особенно эффективны средства создания новых культурных центров притяжения (театров, галерей, музеев) или организация значимых культурных событий в масштабе континента, региона или страны – комплекса мероприятий под эгидой «столицы европейской культуры» – фестивалей, праздников, выставок. Такие города Европы, как Барселона, Франкфурт-на-Майне, Ливерпуль, Глазго или Монпелье именно вследствие таких мероприятий «стали мощными символами урбанистического ренессанса»¹³¹. Мегасобытия являются прекрасным предлогом прославить свои ресурсы и продукты наследия. Этим поводом остроумно воспользовались, например, организаторы Афинской олимпиады 2004 г., во время открытия праздника продемонстрировавшие в театрализованной форме богатое археологическое наследие греков.

Известный исследователь культурного наследия Г. Дж. Эшворт считает урбанистическое наследие города одним из потенциальных элементов конструкта единой Европы, утверждая, что город, его среда являются каждодневным опытом многих европейцев¹³². Однако некоторые специалисты уверяют, что в последнее время идентичности городов стала угрожать большая опасность. За последние десятилетия сильно изменился социокультурный облик городов Европы под влиянием процессов интеграции и глобализации. Исследования показывают тенденцию все большей утраты

¹²⁹ C. J. Ashworth, J. E. Tunbridge, *The Tourist-Historic City...*, p. 29-30.

¹³⁰ Ibid., p. 30-31.

¹³¹ C. J. Ashworth, J. E. Tunbridge, *The Tourist-Historic City...*, p. 16.

¹³² C.J. Ashworth, *Heritage, Tourism and Europe: a European Future for European Past?* P. 74.

ими национальных признаков: крупные города становятся скоплением соперничающих между собой урбанистических структур. Считается, что чем сильнее снижается роль национальных государств, тем очевиднее основной силой создания новой Европы становятся урбанистические центры или агломерации¹³³. Поэтому исследователи склонны говорить и о возникающем вследствие этого кризисе идентичности городов, который проявляется двояко:

1) легальная (и нелегальная) массовая миграция трансформирует города Европы в гетерогенные, мультиэтнические, мультикультурные общества¹³⁴;

2) поощряемая Европейским союзом супранациональность (проект создания европейской идентичности) все больше отводит в тень прежде господствовавшие национальные идентичности¹³⁵.

Можно добавить, что города Центральной и Восточной Европы в этом случае сталкиваются с дополнительными проблемами: болезненным поиском новой идентичности при попытке преодолеть контраверсивное наследие коммунистической эпохи в особенно неблагоприятных условиях перехода (*transition*) к свободному рынку и созданию либеральной демократии.

Несмотря на эти различия, социокультурные вызовы, испытываемые сегодня в обеих частях Европы, довольно близки. Обострившееся решение проблемы идеентичности, ставшей ключевым понятием на стыке XX-XXI вв., заставляет граждан отступать в индивидуалистическое (неолиберализм) или коллективное (неонационализм) состояние, а слабеющую национальную идентичность все более атакует интенсивность гетерогенности и мультикультурализма¹³⁶.

Упомянутый кризис побуждает искать надежный выход. Исследователи, например, отмечают возрастание у европейцев интереса к значимости локального наследия города. Опираясь на элементы прошлого, они нередко стремятся усилить и подчеркнуть идентичность места. Эти процессы могут вызывать как гордость, связанную с уникальностью и аутентичностью конкретных мест, так и различные оборонительные реакции – закрытость, ксенофобию. Охрана и акцентирование архитектурного наследия в этом случае могут помочь сузить и «приватизировать» значение местностей¹³⁷. Однако другие социальные аналитики не считают упомянутый кризис чем-то исключительным или уникальным, утверждая, что архитектурное наследие как феномен с самого начала его появления было ареной постоянных споров, конфликтов и противоборством сил. А то, что мы сегодня считаем архитектурным наследием городов Европы, является всего лишь продуктом разнообразных манипуляций, олицетворяющих сознательно закодированную систему символических значений.

Публичные общественные места – улицы, площади, скверы, парки, кладбища – как правило, являются многофункциональными, хотя для многих из них характерно определенное доминирующее назначение: репрезентативное, сакральное, коммерческое, рекреативное, мемориальное. Очевидно, что с течением времени понятие, назначение и использование публичных пространств меняются. Однако этот процесс зависит не только от смещения идеологического, социального, политического контекста жизни города, но и от выбираемых каждой генерацией горожан сценариев осмысления коллективной памяти. Поэтому актуален анализ содержания закодированных в этих пространствах символов коллективной памяти и/или форм того, что можно было бы назвать «узлами символов», а также знаками их исторического развития.

¹³³ Manuel Castells, *European Cities, the Informational Society and the global Economy*, http://www.acturban.org/biennial/doc_planners/castells_european_informational_society_global_economy.htm (см. 2009 01 22).

¹³⁴ Bryan Graham, *The Past in Europe's Present: Diversity, Identity and the Construction of Place, Modern Europe. Place, Culture, Identity* (ed. by B. Graham). London, Arnold, 1998, p. 19-49.

¹³⁵ J.R. Gillis, *Memory and Identity: the History of a Relationship, Commemorations...*, p. 3-24.

¹³⁶ Подробнее об этих процессах см.: G. J. Ashworth, P.J. Larkham, *A Heritage for Europe: the Need, the Task, the Contribution, Building a New Heritage. Tourism, Culture and Identity in the New Europe* (ed. by G.J. Ashworth, P.J. Larkham). London, Routledge, 1994, p. 1-13.

¹³⁷ D. Harvey, *The Condition of Postmodernity*. Oxford, Blackwell, 1989.

Нацию определяет не только язык, кровь, выбор, место жительства и иные критерии, но и географически и дискурсивно обусловленная территория. Поэтому ландшафт, особенно городской, воспринимается как место, в котором может быть создана охраняемая (национальная или другая) идентичность. Кроме того, семиотики утверждают, что городской ландшафт *как текст* создает слаженный ансамбль объектов и таким образом может действовать как система значений¹³⁸ или, иначе говоря, как дискурс высокой сложности – язык¹³⁹, в котором закодирован целый ряд экономических, социальных и культурных понятий¹⁴⁰. Наконец, национальная идентичность создается в особенной социальной, исторической и политической среде и поэтому становится нарративом, который помогает тому, что чуждо или официально, стать своим, неофициальным¹⁴¹.

Эта способность может быть особенно ярко выражена в урбанистическом ландшафте и в архитектурном наследии и таким образом стать могучим нарративом, способным поддержать и усилить более широкий идеологический нарратив, например большой националистический рассказ, на который опирается национальная идентичность. Британский географ Б. Грэхем даже утверждает, что нарратив ландшафта облегчает работу по созданию и усилению идентичности, «отмечая определенные места как центры коллективного культурного сознания»¹⁴².

Учитывая это, можно сделать вывод, что исторические города не являются результатом самопроизвольного, естественного развития – типа «дарвиновской эволюции». Скорее, они были кем-либо созданы в определенных целях¹⁴³.

Замечено, что переломные моменты истории имеют особое значение для обострения исторического сознания граждан, делая реликты прошлых эпох спорными или, наоборот, средством и целью демонстрации «древности» города. Кроме того, процесс отбора подлежащих упоминанию событий и мест и выделение их ценностей связаны и с потенциально негативным опытом – возможностью различных групп общества не ладить или даже конфликтовать между собой из-за содержания и составных частей хранимой и «выталкиваемой» памяти.

Отнюдь не каждый период времени и не любой жизненный опыт побуждает собирать, хранить и использовать реликты прошлого и быть достойным увековечения. Иногда коллективный опыт может быть слишком тревожным, давящим или постыдным, что может вызвать дополнительные проблемы для «политиков памяти». Однако, как показывают исследования интерпретации конкретных городов, создающиеся и распространяющиеся в городском ландшафте культурные сообщения, как правило, довольно просты, непротиворечивы, негибки и легко и универсально читаемы. Классическим примером этому были бы сообщения городов (империалистических) национальных государств¹⁴⁴.

Однако со временем эти места и знаки могут перестать быть явными, конкретными и сильными, поэтому их, возможно, придется удалить, маргинализировать, переделать, переинтерпретировать или дополнить новыми элементами¹⁴⁵. Собственно говоря, сами материальные хранители памяти и публичные дискурсы, характеризующие, осмысливающие их, являются историческими, т.е. меняются с течением времени. Однако в то же время в облике исторического города мы можем наблюдать и нечто похожее на определенную *седиментацию памяти* (собравшийся осадок), своеобразный «культурный пласт» коллективной памяти, элементы которого не поддаются легкой «расшифровке». Сообщения, в скором времени «расслоившиеся», могут быть уже нечитаемыми, несвязными, противоречивыми, непостоянными и иногда даже неприятными.

¹³⁸ Umberto Eco, *Function and Sign: Semiotics of Architecture, The City and the Sign: an Introduction to urban Semiotics* (ed. by M. Gottdiener and A. F. Lagopoulos). New York, Columbia University Press, 1986, p. 99-112.

¹³⁹ Roland Barthes, *Semiology and Urban, The City and the Sign: an Introduction to urban Semiotics* (ed. by M. Gottdiener and A. F. Lagopoulos). New York, Columbia University Press, 1986, p. 87-98.

¹⁴⁰ S. Daniel, *Fields of Vision: Landscape Imagery and National Identity in England and the United States*. Princeton University Press, 1993.

¹⁴¹ T.J. Barnes, J.S. Duncan, *Writing Worlds: Discourse, Text and Metaphor in the Representation of Landscape*. London, Routledge, 1992, p. 11-12.

¹⁴² Bryan Graham, *The Past in Europe's Present: Diversity, Identity and the Construction of Place, Modern Europe...*, 1998, p. 40.

¹⁴³ G.J. Ashworth, *The Conserved European City...*, p. 262.

¹⁴⁴ Ibid., p. 267. Также см.: Patrick Wright, *On living in an Old Country: the National Past in Contemporary Britain*. London, Verso, 1985.

¹⁴⁵ G.J. Ashworth, *The Conserved European City...*, p. 267.

Таким образом, наследие городов Европы в течение веков постоянно «перефильтровывалось» и «пересоздавалось». То, что до нас дошло и существует сегодня, чаще всего было уже редуцировано по значению. Упомянутый Г.Дж. Эшворт выделяет две возможности этой редукции:

1) физическое уничтожение или устранение артефактов, пространств, зданий или элементов (**эрадикация**), которое подразделяется на сознательное, находящееся под влиянием модернизации, политических режимов или изменения культурной парадигмы, и несознательное, происходящее во время войн или природных стихийных бедствий;

2) **музеефикация**, т.е. изменение их функции, а часто и формы с целью изменить их значение и передаваемые сообщения. По его словам, типичный пример музеефикации – изменение назначения костелов, церквей и мечетей в СССР¹⁴⁶.

Цель таких манипуляций публичным пространством или конкретными объектами – «втиснуть» формируемую модель идентичности в сохранившиеся урбанистические формы и, с помощью архитектурного наследия, создать своеобразную «физиогномию» города. Например, после присоединения Литвы к царской России новая власть стала целенаправленно предпринимать усилия для уничтожения бывшей государственности и политической идентичности и утверждения новой. В этих условиях знаки памяти, прошлого Литвы были сохранены или воссозданы только в условиях «подполья», чаще всего в интерьерах церквей и на кладбищах. Империалистическим целям должна была служить и сознательная, целенаправленная трансформация публичного пространства городов. В конце XIX в. знаками, демонстрирующими царскую мощь России, было отмечено несколько главных площадей Вильнюса. В 1863 г. на современной площади Самоуправления была построена часовня Александра Невского в византийском стиле, посвященная памяти павших во время подавления восстания 1863 г.; в 1895 г. по случаю столетия присоединения Литвы к царской империи на Кафедральной площади был торжественно открыт памятник императрице Екатерине II (автор М. Антокольский), а на прежней Дворцовой площади (теперь С. Дауканто) в 1898 г. появился символ подавления царской властью восстания 1863 г. – памятник генерал-губернатору М. Муравьеву, в народе прозванному Вешателем (авторы И. Труднее, В. Грязнов).

И в советское время в конкретном публичном пространстве, особенно репрезентативном, стремились создавать моноперспективные, одномерные, ценностно единые «**узлы символов**», которые передавали бы посетителю довольно ясное, однозначное сообщение с помощью визуальных, эстетических, технических, дискурсивных и иных средств. Для этого использовался весь комплекс объектов и топонимов – визуальный акцент (памятник), названия улиц, функция зданий, опоясывающих площадь (здания властных структур).

Кстати, подобная стратегия *коммуникативной гомогенизации* характерна для всех идеологий, стремящихся создать единый и подробный «большой рассказ». Как известно, во второй половине XIX – начале XX в. во время национального возрождения во многих европейских городах утвердился сильно романтизированный великий националистический нарратив. Для него была характерна формирующаяся на этнолингвистической основе моноперспективность, выделяющая в истории периоды военной славы и империалистической мощи, связанные с «национальными» героями, которые создавали и укрепляли государство. Он на долгие годы стал одним из важнейших объединяющих общество коллективных рассказов.

Интересно, что этот великий нарратив в государствах Центральной и Восточной Европы сохранился даже в советское время, будучи адаптированным и инкорпорированным в официальную версию истории, особенно акцентируя «антизападный» и антихристианский (в случае языческой Литвы) характер политики этих стран в средние века. Неудивительно, что после получения независимости в них возродились попытки реконструировать или заново построить свой великий националистический нарратив.

¹⁴⁶ C.J. Ashworth, *The Conserved European City...*, p. 267-268.

В то же время из публичного пространства больших городов были быстро элиминированы символы и знаки прежнего режима, особенно пострадали идеологические эмблемы и памятники¹⁴⁷. Однако эрадикация не всюду прошла гладко: больше всего дискуссий и эмоций вызвали и вызывают атрибуты советского идеологического искусства. Сохраняющееся пристрастное восприятие этого типа наследия сказывается не только на периодически повторяющихся актах вандализма, но и на других попытках переинтерпретации этих объектов.

Как уже упоминалось, страны Центральной и Восточной Европы в этом отношении имеют сложную историю. Особенно в новейшие времена, когда их города стали объектами спора многих народов и государств, а этническую «принадлежность» собранных здесь ценностей наследия до сих пор пытаются оспаривать. Может быть, поэтому после распада Советского Союза в стратегиях создания их визуального образа до сих пор явно прослеживаются попытки проявления или подчеркивания знаков национальной идентичности. Например, концентрация знаков такого рода особенно очевидна в самом сердце города Вильнюса – на территории Верхнего и Нижнего замков. Для этого используется не только археологическое, архитектурное наследие, но и заново созданные элементы публичного пространства: памятники князю Гедиминасу и королю Миндаугасу, недавно построенный мост имени Миндаугаса и восстанавливаемый Дворец правителей, вызвавший особенно много споров и дискуссий в литовском обществе.

Экономика свободного рынка и беспрерывно увеличивающиеся потоки информации бросили неординарный экономический, социальный и политический вызов городам, которые должны быстро приспособиться к меняющимся условиям и соответствовать новым требованиям, создавая одновременно благоприятные и удобные в различных аспектах условия для адаптации приезжих. Мультикультурный капитализм производит разнообразную культурную продукцию и придает продуктам и услугам локального наследия черты экзотичности, исключительности, запоминаемости. Специалисты отмечают, что одни и те же объекты наследия могут быть использованы как официальной властью, так и различными общественными группами и туристами или приезжими жителями других стран, конечно, с неодинаковыми целями¹⁴⁸. Этот вызов создает сложные условия для населения городов, вокруг которых происходят новые процессы, прямо влияющие на среду его обитания и самосознание.

Как и с какими целями происходит работа по пере/интерпретации урбанистических ценностей с точки зрения хронологии и перспективы различных заинтересованных групп? Наконец, какое несоответствие здесь возникает и какую стратегию можно было бы предложить, стремясь его избежать или хотя бы управлять им?

Приходится признать, что стратегии и практика использования и интерпретации собранных в исторических городах культурных ценностей – очень сложное дело, требующее не только управленческих навыков, но и определенной историко-культурной компетентности. Необходимо иметь в виду, что выбранные интерпретационные перспективы – с точки зрения титульной нации / этнокультурных сообществ, местных жителей / приезжих / туристов / иностранцев – могут сильно различаться и даже конфликтовать друг с другом. Поэтому распознавание, оценка и разрешение этих реальных и потенциальных конфликтов и диссонансов, так же как и их предотвращение, являются одной из важнейших задач сегодняшнего управления и интерпретации наследия.

Утвердившаяся в XIX – первой половине XX в. в Европе идеология национализма стремилась отделить и пространственно, контекстуально и дискурсивно разграничить наследие различных социокультурных групп, отмечая особый вклад доминирующей нации в культуру конкретной страны. Поэтому при возникновении споров по поводу этнической «принадлежности» конкретного наследия такая гомогенизирующая стратегия, кроме всего прочего, обостряла и межгрупповые конфликты и вражду. Наряду со многими известными случаями такого поведения в Европе (самый

¹⁴⁷ Подробнее см.: Dario Gamboni, *The Destruction of Art...*, p. 51-90.

¹⁴⁸ B. Graham, G. J. Ashworth, J. E. Tunbridge, *A Geography of Heritage...*, p. 34.

известный из них – холокост во время Второй мировой войны) следует упомянуть и недавние жестокие межэтнические конфликты народов бывшей Югославии (1991–1995) и конфликт в Косово (1997–1999), во время которых, оспаривая претензии чужой этнической группы на определенную территорию, уничтожались и ее архитектурные и исторические памятники – символы этнической и религиозной идентичности.

Эти **моноперспективные** (с позиций доминирующей нации или политического режима) интерпретации урбанистического наследия и стратегии увековечения коллективной памяти уже неадекватны требованиям современности. Будучи одномерными и несостоятельны/ни в смысловом плане, они неприемлемы для постмодернистских, мультиэтнических, мультикультурных городов Европы, в которых господствуют требования и ценности разнообразия и индивидуализма¹⁴⁹. Таким образом, при формировании коллективной идентичности и образа страны за рубежом сегодня возникает потребность в мультиперспективных, гетерогенных объектах и рассказах.

В интерпретации многих самых крупных исторических городов можно выделить хотя бы несколько топографических масштабов, что часто усложняет работу по их восприятию и прочтению, создавая проблему многослойности, своеобразный «эффект матрешки». Прежде всего, необходимо упомянуть *локальный* уровень города (город *per se*), который часто закрывается другими уровнями. Вторая, до сих пор едва ли не самая яркая, видимая плоскость – национальная. Например, несмотря на то что Вильнюс в этом отношении и сегодня чаще всего осознается литовцами как столица литовского национального государства, как известно, его считали и считают «своим» и многие другие народы (поляки, евреи, белорусы, русские, татары и др.), что в отдельные исторические периоды особенно затрудняло возможность его однозначного «прочтения» и «присваивания»¹⁵⁰. Об этом свидетельствуют и до сих пор употребляемые этими национальными группами различные названия города – Vilnius, Vilnė, Wilno, Вильнюс, Вильня...¹⁵¹

Эта проблема связана и с *региональным* восприятием города, которое в этом случае едва ли не самое сложное. На Вильнюс можно смотреть с точки зрения *этнографической*, как на центр конкретного региона Литвы, находящегося в границах литовского государства¹⁵², так и с точки зрения *исторической*, как на политический центр древнего государства – Великого Княжества Литовского, намного перешагнувшего территориальные границы современной Литовской Республики, делая акцент на многокультурное измерение собранного в нем наследия. А после получения независимости Литвы и особенно вступления в ЕС можно говорить о Вильнюсе и в *континентальной* перспективе – как о своеобразном, но и типичном городе Центральной и Восточной Европы.

Наконец, после 1994 г., когда исторический центр Вильнюса был включен в Список всемирного наследия, проявляется его ценность как города не только регионального, но и *мирового* значения. Все эти уровни часто бывают перемешанными, так что некоторые из них могут дисгармонизировать, затрудняя однозначное и дискурсивно единое восприятие наследия исторического города.

Учитывая это, специалисты по управлению многокультурными ресурсами наследия предлагают сегодня ряд общих стратегий, несомненно, частично корректируемых спецификой конкретного исторического города¹⁵³.

1. **Включающая стратегия**, или «инклюзия» (*«inclusivist approach»*), – попытка согласовать заинтересованность в наследии различных этнических и социальных групп. Эта стратегия управления особенно актуальна для многокультурных обществ, которым приходится решать различные политические и экономические проблемы, в том числе и проблемы «присвоения» ресурсов наследия. Кроме того,

¹⁴⁹ H. K. Bhadha, *The Location of Culture*. London, Routledge, 1994.

¹⁵⁰ Bumblauskas A., *The Heritage of the Grand Duchy of Lithuania: Perspectives of Historical Consciousness, The Peoples of the Grand Duchy of Lithuania* (ed. by G. Potasenko). Vilnius, Aidai, 2002, p. 7–44.

¹⁵¹ Catherine Gousset, Wilno, Vilnė, Vilnius, capitale de Lituanie, *A l'Est, la mémoire retrouvée...*, p. 489–520.

¹⁵² Этот вопрос до конца неясен.

¹⁵³ J. E. Tunbridge, C. J. Ashworth, *Dissonant Heritage...*, p. 219–222.

потребность эксплуатации широчайшей базы ресурсов наследия вызывает необходимость привлечь как можно больший поток туристов. Недостаток этой стратегии заключается в том, что из-за обилия предлагаемых продуктов значение культурных ценностей может «размываться» или их потребители будут становиться все более равнодушными к ним из-за недостатка интриги и антагонизмов.

2. **Минимализация** – подход, который, наоборот, развивает только те темы наследия, которые являются общими для всех жителей, которые стремятся избежать возможных противоречий или межгрупповых конфликтов. В этом случае больше внимания уделяется природе, а также тем элементам культурного наследия, «угроза» которым уже нейтрализована временем. Стратегия минимализации обычно применяется в спорных случаях, из-за интерпретации наследия которых ведутся ожесточенные конкурентные споры. Основная проблема при выборе минимализации – нахождение общего знаменателя, который удовлетворял бы большинство и не игнорировал бы интересы меньшинств, а также потребность в постоянной «миротворческой бдительности» и контроле (однако кто же в демократическом обществе мог бы этим заняться?). В стороне остаются многие неиспользованные ресурсы потенциального наследия, способные послужить туризму. Наконец, поскольку с течением времени ситуация неизбежно меняется, приходится учитывать изменения интерпретаций.

3. **Локализация** – это развитие или молчаливое признание различных ресурсов наследия, находящихся в топографически отдаленных местах. Предполагается, что такое пространственное отделение должно устранить межгрупповую дисгармонию. Эта стратегия бывает эффективной в городах, где определенные локальные различия уже признаны частью своеобразного наследия.

По мнению предложивших эту теорию Дж. Э. Танбриджа и Г. Дж. Эшворта, самой продуктивной, хотя и требующей больше всего творческих усилий, является «включающая» стратегия.

Если часто идут споры о «принадлежности» исторических городов, то еще более острые дискуссии вызывают те ресурсы наследия, из-за интерпретации которых в обществе еще нет однозначной договоренности или найти компромисс особенно сложно. Какой выход можно было бы найти в особенно трудных и острых случаях «дисгармоничного наследия»?